НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Философский неологизм

О ПРОЕКТИВНОМ ПОДХОДЕ К ЯЗЫКУ
Неология времени

М.Н. ЭПШТЕЙН

Хотя сейчас нечто несказуемо, но, может быть, когда-нибудь и скажется впоследствии. Сделаем язык более гибким, более восприимчивым, сдерем с него застывшую кору и обнажим его огненную, вихревую, приснокипящую струю. Язык тогда сразу не возникнет; но образуются завязи нового творчества, и эти завязи, может быть еще недостаточно или совсем почти неоформленные, впоследствии вырастут в слова и новые способы их сочетания... Чтобы язык жил полною жизнью и осуществлял свои возможности, надо освободить индивидуальную языковую энергию и – не бояться множества неудачных, уродливых и нежизненных порождений. Тогда, среди многого неудачного, осадится кое-что удачное, и безысходно нужное, – то возникнет, отсутствием чего болеет сейчас впечатлительная душа.

Павел Флоренский. Мысль и язык

В словах содержится энергия мира, словотворчество есть процесс субъективный, индивидуальный, психологический только по форме существования, по существу же он космичен. Мировое все, разлагаясь, дробясь и сверкая в лучах смыслов, отражает эти лучи, и это суть слова... Они живы, ибо в них присутствует мировая энергия, мировой логос...

Слова имеют силу, они суть действие.

Сергей Булгаков. Философия имени

I. Знакотворчество. Семиургия

Есть три вида деятельности в области знаков: ***знакосочетательная, знакоописательная*** *и* ***знакосозидательная.***

Подавляющее большинство всех текстов, всего написанного и сказанного относятся к первому виду. И Пушкин, и государственный деятель, и пьяный забулдыга – все они по-своему сочетают слова, хотя число этих слов и способы их сочетания в литературе, политике, просторечии весьма различны.

Грамматики, словари, лингвистические исследования и учебники, где описываются слова и законы их сочетания, принадлежат ко второму виду знаковой деятельности, описательному; это уже не

язык первого, объектного уровня, а то, что называют метаязыком, язык второго порядка.

Третий вид – самый редкий: это не сочетание и не описание знаков, уже существующих в языке, а введение в него новых знаков: неология, знакотворчество, **семиургИя** (греч. sema, знак + ergon, работа). Это часть более широкой дисциплины конструирования или трансформации языка, которая называется по-разному: *проективная лингвистика*, *плановая лингвистика*, *лингводизайн*, *лингвоинженерия* и т.д. Внутри нее есть такая область, как интерлингвистика, которая изучает способы создания искусственных международных языков. Есть линвистика программных, компьютерных, специальных дисциплинарных языков, которые создаются путем плановых профессиональных конвенций. Но знакотворчество имеет место и в естественных языках, таких, как русский. К **семиургии** относятся многие словотворческие элементы словаря В. Даля, значительная часть творчества В. Хлебникова, А. Белого, В. Маяковского, И. Северянина, но вообще этот третий вид знаковой деятельности наименее изучен и признан в науках о языке.

Один из самых распространенных мифов: новые слова появляются как бы ниоткуда, по воле самого языка, их творит народ. На самом деле, слова всегда кем-то создаются индивидуально, произносятся или пишутся впервые. Ведь у народа нет единого рта, чтобы произнести новое слово, или единой руки, чтобы его записать. Другое дело, что слово начинает жить, распространяться, входит в состав языка, только если оно услышано и принято народом, языковой средой. Процесс усвоения и распространения слова коллективен, но акт его сотворения, первого употребления индивидуален. Об этом свидетельствуют данные об авторских неологизмах, среди которых есть и ставшие привычными, общенародными слова, такие, как «предмет», «сущность», «мощность», «промышленность», «насос», «чертеж»... По оценке языковедов, «именно таким индивидуально-авторским образованиям язык обязан существованием огромного количества слов»[1]. М.В. Ломоносов ввел такие слова, как ***маятник, насос, притяжение, созвездие, рудник, чертеж***; Н.М. Карамзин – ***промышленность, влюбленность, рассеянность, трогательный, будущность, общественность, человечность, общеполезный, достижимый, усовершенствовать***. От А. Шишкова пришли слова ***баснословие*** и ***лицедей***, от Ф. Достоевского – ***стушеваться***, от К. Брюллова – ***отсебятин***а, от В. Хлебникова – ***ладомир***, от И. Северянина – ***бездарь***, от В. Набокова – ***нимфетка***, от А. Солженицына – ***образованщина***...

Правда, доходят до нас имена лишь немногих словотворцев – преимущественно писателей, запечатлевших на бумаге свой вклад не только в литературу, но и в язык. Знаменательно, что первенство в списке самых плодовитых словотворцев принадлежит писателям XVIII века, тем, кого мы мало читаем (Тредиаковский, Ломоносов,

Карамзин). Оказывается, есть разные способы войти в плоть и кровь национальной культуры – через речь и через язык, через литературные произведения или через лексические поля. И то и другое одинаково драгоценно. Если сверхчитаемый Пушкин подарил нам «Евгения Онегина» и «Медного всадника» (но, кстати, не ввел в язык практически ни одного нового слова), то нечитаемый Тредиаковский подарил слова, без которых мы не можем обойтись ежедневно, без которых нельзя мыслить и говорить по-русски: ***предмет, особенность, сущность, благодарность***...

Из слов, вошедших в язык, лишь единицы сохраняют имена своих создателей. Но это верно только по отношению к определенной эпохе развития языка, которая сейчас, возможно, подходит к завершению. Когда-то ведь не было и индивидуального литературного творчества, песня и сказка передавались из уст в уста, а потом, с возникновением письменности, появились и индивидуальные авторы литературных произведений. Точно также и сейчас, с переходом к электронной словесности, **завершается анонимная, фольклорная эпоха в жизни языка**, у слов появится все больше индивидуальных авторов.

До создания интернета трудно было проследить истоки новых слов, зафиксировать, кто их впервые стал употреблять и в каком значении. С появлением Сети это делается простым нажатием клавиши в поисковике. С другой стороны, интернет делает возможным и мгновенное распространение нового слова в массовой аудитории. Новообразование может быть подхвачено на лету, и его успешность легко проследить по растущему из года в год и даже из месяца в месяц числу употреблений. Именно прозрачность интернета в плане чтения и проницаемость в плане писания делает его идеальной средой для отслеживания и распространения новых словесных, да и графических, изобразительных знаков. **Интернет делает с языком то, что когда-то письменность сделала с литературой: подрывает его фольклорные основания, переводит в область индивидуального творчества.**

Можно предположить, что **знакодатели** со временем будут играть в обществе не меньшую роль, чем законодатели. Это два дополнительных вида деятельности – закон подчиняет всех общей необходимости самоограничения, а новый знак создает для каждого новую возможность самовыражения. Нужна и соответствующая наука, которая занималось бы методами создания новых знаков. В семиотике обычно выделяются три раздела: семантика (отношение знака к значению и означаемому), синтактика (отношение между знаками) и прагматика (отношение между знаками и пользователями). Но нет специального раздела, посвященного созданию новых знаков, т.е. отношению между знаками и отсутствием таковых, семиотическим нулем, знаковым вакуумом. Можно было бы назвать этот раздел семиотики **семиУргика**. **Семиургия** – это

деятельность по созданию новых знаков; **семиургика** – это наука о создании новых знаков, четвертый основной раздел семиотики[2].

II. От идеологии – к творческой филологии

Знакотворчество и словотворчество – это не просто создание новых знаков и слов. С каждым новым словом появляется и новый смысл, и возможность нового понимания и действия. Мы чувствуем и действуем по значению слов.

Вспомним, какое колоссальное воздействие оказал советский идеологический язык на жизнь нашего общества и всего мира. Казалось бы, всего-навсего пустые сотрясения воздуха: ***коммунизм***, ***большевик***, ***совет***, ***колхоз***, ***ЧК***, ***ЦК***, ***генсек***, ***субботник.*** Но по ним строились гиганты социндустрии, коммунальные хозяйства и квартиры, система сыска и наказания, пятилетние планы, трудовая дисциплина, будни и праздники, нравы партийной и производственной среды... Излишне говорить о роли слов в ту эпоху – но ведь это было не только завышением роли слова, но и занижением самих слов, которые сводились к заклинаниям-идеологемам, с темным смыслом, который не подлежал пониманию и обсуждению, а только исполнению.

В постсоветском обществе на место идеологем должно придти свободное словотворчество, которое может предоставить простор для смыслополагания. Во всем мире быстро растут новые отрасли техники, виды работы и досуга, рыночно-товарные реальности, обеспечение которых требует не меньше лингвистических, знаковых инвестиций, чем материальных и финансовых.

Чтобы ответить на вызов времени, языку нужно **воображение**, способность **творить новые слова и понятия**, не ограничиваясь только восстановлением своего прошлого или заимствованиями из других языков. Язык жив до тех пор, пока его корни продолжают разветвляться и плодоносить в новых словах. XXI век этой своей потребностью словотворчества перекликается с авангардом начала XX века. По мысли А. Белого, «то единственное, на что обязывает нас наша жизненность, – это творчество слов... Цель поэзии – творчество языка; язык же есть само творчество жизненных отношений... Слово рождает действие...»[3].

Если теоретическое языкознание можно уподобить ботанике, изучающей жизнь растений, то практическую лингвистику, **языководство** уместно сравнить с лесоводством и садоводством, возделкой языковой почвы и выращиванием новых древесных пород. В сущности, языкотворчество, **творческая филология** – это **единственная идеология нашего времени**, которая обеспечивает смысл существованию народа и взаимосвязь прошлого и будущего. Язык – единственное, что питает сознание всеобщими смыслами и делает сограждан понятными друг другу. Не то, что говорится на этом языке, но сам язык. Не тексты и даже не предложения, а сло-

ва и морфемы. Вечные, непревзойденные «мир», «дар», «кровь», «мысль», «на-», «по-», «и», «-ств», «-овь», «-ение»... Уже на предложениях мы расходимся, а на уровне текстов начинается непонимание, подозрение, общественные битвы.

Вильгельм фон Гумбольдт, основоположник научной лингвистики, полагал, что язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Важно подчеркнуть: язык в целом, а не какая-либо система идей, последовательность высказываний на этом языке. Вряд ли какая-нибудь политическая или философская, или религиозная идеология может в наши дни объединить общество. Где выдвигается объединительная «национальная» идея, т.е. оценочное суждение с притязанием на всеобщность, там начинается раскол нации. **Смыслообразующее единство народа дано не в идее, а в языке**, и то лишь при условии, что этот язык развивается, что крона его не редеет и корни его не гниют. **Филология не просто любит и изучает слова, но и извлекает из них возможность для новой мысли и дела**; **расширяя языковой запас культуры, меняет ее генофонд, манеру мыслить и действовать**.

Приведу суждение профессора К.С. Горбачевича, главного редактора Большого академического словаря русского языка (в 30 т., 2004): «Надо полагать, что в будущем неизмеримо возрастет сознательное управление языком. Если уже сейчас пишут об экологии языка, то недалеко время, когда специальные комитеты дизайнеров-языковедов будут заниматься изобретением и внедрением новых слов и наименований, причем не только рациональных и экономичных, но и удовлетворяющих вкусам новых поколений»[4].

Заметим, что речь идет не о нормативной и запретительной функции нового учреждения, которое, по примеру Французской Академии, стало бы очищать язык от заимствований, регулировать его методом отбора и сокращения. Речь идет именно о творческих возможностях языка, о такой научно-изобретательской работе, которая вовлекала бы филологов, писателей, журналистов, преподавателей в процесс самосознания и самотворения языка. Сегодня нужны искусные дизайнеры языка, языковеды и языководы, способные производить анализ языковой ситуации и на его основе – синтезы новых слов и правил, новых моделей словосочетания и мыслепорождения. Лингвоинженер, знакодатель, строитель языка – тот, кто создает новые знаки и меняет навыки мышления в обществе, – едва ли не самая нужная, хотя еще и мало востребованная фигура в России XXI века.

III. Проективный словарь, его особенности и задачи

Проективный подход к языку может осуществляться на разных уровнях: лексика, фразеология, морфология, синтаксис. На лексическом уровне возможно спонтанное, «одноразовое» словотворчество, а возможно системное раскрытие словообразовательных и смыслопо-

рождающих потенций языка. В этом случае акты словотворчества образуют свою собственную систему, выстраиваются в ***проективный словарь.***

Есть много разных типов словарей: толковые и энциклопедические, этимологические и орфографические, диалектные и индивидуальные, словари историзмов и неологизмов... Но все они описывают слова, которые уже были в употреблении, в той или иной степени вошли в язык. Особенность **проективного словаря** в том, что он описывает ранее неизвестные слова, которые **впервые** предлагаются для употребления. Традиционные словари, в том числе словари неологизмов, уже вошедших в употребление, отстают в своем описании языка от его реального состояния, тогда как проективный словарь носит опережающий характер. Если традиционный словарь подводит **итог** бытованию слова в языке, то в проективном словаре жизнь слова только **начинается**. Отсюда новое слово может перейти в тексты других авторов, стать фактом языка, а может остаться в словаре. Слова имеют свою судьбу...

Самый развернутый опыт проективного словаря в русской лексикографии – «Дар слова. Проективный лексикон русского языка» (около 2500 слов; еженедельно обновляется). Я выпускаю этот словарь уже более 10 лет с апреля 2000 г. в виде электронной рассылки, у которой около 6000 подписчиков. Это словарь лексических, грамматических и концептуальных возможностей русского языка; у него есть черты не только толкового, но и идеографического словаря. Слова даются словообразовательными и тематическими гнездами, с толкованиями и примерами употребления, с мотивировкой их введения в язык через анализ существующей лексической системы и ее пробелов.

На главной странице «Дара» можно найти содержание всех предыдущих 350 выпусков: http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html. На электронную рассылку «Дара слова» (еженедельную и бесплатную) можно подписаться по адресу: http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon

Основная тема «Дара слова» – искусство создания новых слов и понятий, современное состояние лексики и грамматики русского языка и пути их обновления, развитие корневой системы, расширение моделей словообразования. Читателю предлагаются слова и термины, которые могут войти во всеобщее употребление и стать знаками новых идей, научных теорий, художественных движений, стилей жизни и мышления... А могут и не войти. От самих читателей зависит, насколько ***входчивыми*** окажутся эти слова и насколько ***сбывчивыми*** те образы и идеи, которые они приносят с собой. Языку ничего нельзя навязать, но можно многое предложить – в надежде, что не все предложенное будет отвергнуто[5].

Поскольку проективный словарь жанр исключительно редкий, будет нелишним подробнее прояснить его цели. У каждого пред-

лагаемого слова есть, по крайней мере, три задачи: (1) минимум, (2) медиум и (3) максимум.

1. Указать на некоторое насущное понятие или явление, еще лексически не обозначенное в языке. Это задача *аналитическая:* выявление лакун, смысловых пустот и попытка их заполнения.

Далее – двойная эстетическая, творческая задача:

2а. Предложить такое слово, которое могло бы восприниматься как самостоятельное произведение в жанре *однословия*: чтобы у слова была своя интрига, свой лексический и/или грамматический сюжет, смысловой поворот, выразительность, ловкость, неожиданный и вместе с тем обоснованный подбор составляющих элементов (морфем), и т.д. Важна и точность в определении значения, в частности, размежевание синонимов, а также убедительность, разнообразие, стилевая пластичность речевых примеров.

2б. *Речевой пример*, или *речение* – это тоже самостоятельный словесный жанр, причем наиважнейший, хотя и совершенно не изученный. Именно по речевым примерам, приводимым в школьных учебниках на то или иное правило, мы осваиваем письменный язык, его словопроизводительные и словосочетательные модели, которые потом откладываются в памяти на всю жизнь и регулируют нашу речевую деятельность.

Эта двойная задача – *эстетическая:* создать слово и речевые примеры, которые отвечали бы критериям самостоятельного произведения в данных минижанрах словесности.

3. Наконец, наивысшая и почти невозможная *коммуникативная* задача, точнее, надежда: создать такое слово, которое могло бы с пользой применяться другими говорящими и пишущими, а в конечном счете – войти в язык, вплоть до забвения авторства, растворения в реках народной речи.

Я надеюсь, что слова, входящие в этот словарь, выполняют первую задачу и хотя бы отчасти вторую. А третья надежда *почти* несбыточна, и остается лишь повторять за Ф. Тютчевым:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

IV. Неология времени

Далее я приведу фрагмент Проективного словаря русского языка, посвященный разработке понятия «время». В отличие от «Проективного словаря философии», здесь разрабатывается не специально философская терминология времени, но общеязыковые возможности этого концепта и корня.

Время – одно из самых универсальных понятий как повседневного, так и исторического опыта; как мифологического, так и

научного мировоззрения. Само чувство времени постоянно обновляется со временем – соответственно нужны и новые производные от этого древнего индоевропейского корня (праславянское vьrtmen, с первичным значением «*вращение*», от индоевроп. *uert, того же, что и в глаголе «вертеть»). Особенно важна новая артикуляции времени в условиях невероятно ускоренного всемирного его протекания: в электронных сетях, в средствах массовой информации, в ритмах музыки и кинозрелищ, в техническом изобретательстве, в социально-политических процессах.

У российского общества сложились трудные отношения с историческим временем: то оно еле тащится, то мчится, закусив удила. То почти прекращает течение свое («застой»), то вдруг прорывает плотину – взрывообразно и жизнеопасно – устремляясь к очередной утопии. Однако репертуар «времени» в русском языке пока что очень ограничен и несоизмерим с фундаментальной ролью этого понятия в культуре. Редко употребляемые, узкие по значению существительные «временник», «временщик» и «времянка»; всего два (!) глагола, тоже редких: «повременить» и «осовременить»... Страна, у которой отношения со временем складывались столь драматически: от революционного «времятрясения» до позднекоммунистического «безвременья» – имеет право на более изощренный язык времени, на проработку и рефлексию своего исторического опыта в лексической системе «**времясловий**».

Сначала обратимся к *В. Далю и В. Хлебникову*, самым одаренным и плодовитым российским словотворцам. Один – страстный собиратель слов, нередко втайне подкладывающий в сокровищницу народного языка монетки собственного скромного чекана. Другой – поэт, создающий слова-видения, слова-фантазмы и мало озабоченный тем, чтобы их растолковать, сделать разменной монетой народного смыслообращения.

У В. Даля корень «время» разработан сравнительно мало. Статья «ворон», к примеру, почти вдвое длиннее и обильнее производными. Из своеобычных слов, неоприходованных в академических словарях XX в., есть **времЕнчивый** (изменчивый, непостоянный, неровного нрава, причудливый), **временИтель** (мешкатель, медлитель, человек нерешительный), **времемЕр** (снаряд для измерения времени; часы солнечные, песочные, колесные).

Для Велимира Хлебникова тема времени – одна из самых волнующих, мирообразующих; его ранняя, малоизвестная брошюра называлась «Время – мера мира». У Хлебникова есть около 30 однословий – **лингвофантазий** на тему времени, из которых, на мой взгляд, самые удачные: **времыши** («времыши-камыши»), **времирь** («стая легких времирей»), **Временя** («жрицей Временей сжатые нивы»), **времянин** («Времянин я/ Времянку настиг...»), **местовременной** («человек как местовременная точка»), **времяносец**, **времяпись**, **времнина**[6].

Далее я приведу десять статей на тему «время», «хронос» из своего «Проективного словаря». Статьи строятся однотипно: новое слово – толкование его значения – примеры его употребления (речения). Все примеры даются курсивом и принадлежат автору-составителю, однако он так же далек от высказанных в Словаре мнений, как романист – от высказываний своих героев. Задача Словаря – представить как можно шире разнобразные контексты и ситуации возможного употребления данного слова, а не выразить те или иные взгляды.

1. **временИть, овременИть** (ср. *простирать*) – подвергать действию времени, сделать нечто временным, вписать во время, в ход истории.
   - *Многие деятели пытались **овременить** Россию по меркам Нового времени, втолкнуть ее в европейскую историю; но она упорно хотела только одного: простираться. **Временить** такую державу – все равно что одной речушкой орошать равнину размером в океан.*
   - *Почему-то все попытки **овременить** религию, пустить ее вдогонку прогрессу, истории и т.д., заканчиваются массовым безверием.*
2. **временЕние** – волнение, пульсация времени, быстрое изменение его ритмов и скоростей. **Временение** – это временность в квадрате, поскольку само течение времени подвластно ходу времени, меняет свое направление и скорость. «**Временение**» используется как философский термин в русском переводе понятия «Zeitigung» из книги Мартина Хайдеггера «Бытие и время».
   - *Когда читаешь Достоевского или Андрея Белого, чувствуешь не просто течение, а тик времени. Время – это у Толстого, а у них – нервное **временение**, «вдруги» и судороги сбивчивых скоростей.*
   - *Во времени меня волнует не его направление или исторический смысл, а само **временение**, лихость перемен.*
3. **временЕть, овременЕть** (непереходный глагол, ср. *каменеть, деревенеть*) – врастать во время, становиться частью времени, подвергаться действию времени.
   - *Маяковский был поэтом грандиозного, космически-апокалиптического видения, но с приходом советской власти **овременел** и стал певцом ВЧК и Госплана.*
   - *Неужели ты так и застрял вместе с постмодернистами в этом дурацком «конце истории»? Ты посмотри, как все **временеет** вокруг: Китай, Россия, исламский мир. История только начинает свой новый цикл.*

временЕть может употребляться и как безличный глагол (ср. *темнеть, светать, вечереть*), указывающий на время как действие или процесс, не имеющие субъекта.

- *После краткой неистовой ночи вышли вдвоем на крыльцо. Светало. **Временело**. Пахло свежевыпавшим снегом и неизбежностью разлуки.*

4. **времязавИсимый**.
   а) наркотически зависимый от хода времени, испытывающий постоянную потребность в хронометраже, в притоке свежайших новостей (time addicted).
   • *У нас, журналистов, есть такая профессиональная болезнь – **времязависимость**. Сидим у времени на игле, и чуть кончится доза, подыхаем от ломки.*
   б) функционально зависимый от хода времени, быстро устаревающий, требующий своевременного внимания, пересмотра, обновления («time sensitive»).
   • *В этой папке хранятся **времязависимые** документы, их надо пересматривать и обновлять не реже, чем раз в месяц.*
5. **времяупОрный** (ср. *водоупорный, огнеупорный*) – не поддающийся действию времени, противостоящий переменам, не подверженный износу, старению.
   • *Надо же, какая **времяупорная** дамочка! Ей уже под восемьдесят, а она все еще молодится и кокетничает.*
   • *Мне подарили роскошные часы: водоупорные, жароупорные. К несчастью, они еще и **времяупорные** – хронически отстают.*
6. **врЕмяпись** (ср. *живопись, светопись, звукопись*) – написанное временем, совокупность значимых следов и отпечатков времени.
   • *Для нас что эти хрущевские бетонки, что архив самиздата. Один и тот же стиль. **Времяпись** шестидесятых.*
   • *Мандельштам в своей «Грифельной оде» читает **времяпись** горных пород, зримые оттиски времени в образе вздыбленной земли.*
7. **хронофОбия**, **времябоЯзнь** – боязнь времени, стремление остановить его ход, отгородиться от современности; невротический страх уходящих дней и лет.
   • *Где геронтократия, там и **хронофобия**. Эти старцы из Политбюро чего больше всего боялись? Не Америки, а времени. Тик-так, тик-так... Нормальная **времябоязнь** их возраста, усугубленная дряхлостью политического режима.*
   • *История народа, как и история личности, – это чередование маниакальных и депрессивных состояний. Вспомним, как из **времябесия** 1920 – 1940-х годов мы впали во **времябоязнь** 1960 – 1980-х, а потом развернулись в обратную сторону. Не только время олицетворяется маятником, но и наше отношение к нему.*
8. **хронокрАтия** (chronocracy), **времядержАвие, времяпрАвие** – диктатура времени как определяющий фактор общественной жизни; форма политического устройства общества, основанная на признании времени решающим фактором обновления структур власти.
   В условиях **хронократии** жизнь общества определяется регулярной и обязательной сменой всех его политических, экономических, научных, культурных тенденций, мод, методологий, руководящих кадров. В частности, **хронократия** предполагает без-

условную сменяемость всех органов власти в строго отмеренные сроки. **Хронократия** определяет действие рыночных механизмов, формируя идеологию «новое – лучшее» и мобилизуя покупательский спрос. Другой пример **хронократии** – обязательный уход на пенсию всех сотрудников, достигших определенного возраста. Не техника и не кадры, но время решает все.

- *В определении американской политико-экономической системы не обойтись без понятия **хронократии**. Верховный правитель – время, а президенты, капиталы, корпорации – его слуги. Хронос старше и сильнее демоса и плутоса.*
- *Великодержавная модель в XXI веке сменится **времядержавной**. Страны будут состязаться не друг с другом, а со временем.*

9. **хроноцИд** (chronos время + лат. caedere убивать), **времяубИйство** – насилие над естественным ходом времени, над историей, развитием, эволюцией; разрушение связи времен, принесение одного времени в жертву другому.

   Современная история превратила суффикс «– цид» (– cide, «убийство») в один из самых продуктивных способов словообразования. *Цареубийство, отцеубийство, братоубийство, геноцид, экоцид...* Обобщая богатый криминальный опыт XX века, напрашивается еще один неологизм: «**хроноцид**» – насилие над временем, истребление времени...

   - *Есть три основных формы **хроноцида**: утопическая одержимость будущим («счастье грядущих поколений»), ностальгическая одержимость прошлым («Великая Традиция») и постмодерная завороженность настоящим («исчезновение времени в синхронической игре означающих»). Три основных модуса времени: будущее, прошедшее и настоящее – превращаются в три способа **времяубийства**, как только один из них абсолютизируется за счет других.*

10. **времяВод** (ср. *верховод*) или **времявОдец** (ср. *полководец*) – тот, кто ведет за собой время, прокладывает пути, становится первым в какой-то области.

времявОдство – деятельность, направляющая ход времени, задающая смысл и цель временным процессам.

- *Хлебников назначил себя «председателем земного шара», но сам он не умел вести за собой массы. Он умел вести за собой слова, направлять их в будущее, он был **времяводцем.***
- *Вожди ведут за собой миллионы людей. Но и вождей ведет за собой время. А кто ведет время? Кто сегодня эти тайные **времяводы**?*

V. Воля корня

*Покуда язык живет, его корни продолжают расти, вытягиваться новыми ветвями-производными. Основной закон творческой жизни корня: **в существо корня заложена воля к прорастанию, к соеди-***

нению со всеми возможными приставками и суффиксами и к наибольшему смысловому действию через наибольшее количество производных слов.

Не случайно в большинстве языков главная знаменательная часть слова называется именно «корнем» (английское root, немецкое Wurzel, французское racine). Это не просто растительная метафора, но отражение существенного сходства двух явлений. Грамматический корень, как и ботанический, несет в себя силу роста, **отростания-ословления** и разветвления в производных. По-настоящему корень живет не только в полном объеме своих производных, но и в возможности дальше выбрасывать из себя новые слова, – так что процесс словообразования может быть и дальше самостоятельно продолжен читателями. Пользуясь древесной топикой, которая присвоила название «корня» центральной морфеме слова, назовем «**кроной**» верхушку лексического древа, которая объемлет все разветвления данного корня.

Так и будем различать:

– **корень** слова;

– **ветви** слова – его производные;

– **крона** слова – **совокупность всех его производных, общая смысловая площадь данного корня, заселенная его отпрысками во всех поколениях.**

Самая пышная крона в русском языке у корня – **ста(й)** – : 370 производных, от «стан» до «состав», от «приставать» до «заставить». Вторая по величине крона – у корня – **да** – (– **даж** –), 280 ветвей: от «дар» до «продажа», от «предатель» до «удалой»...[7]. А вот у корня **– врем –** в нынешнем языке крона чахлая, всего 37 веточек». Видится, как в словаре динамичного, жизнелюбивого, времялюбивого общества поднимается новая широкошумная дуброва времени...

Словопорождающая мощь корня проявляется в освоенной им площади общественного сознания, в разнообразии тех идей, дисциплин, областей культуры, куда проникают его смыслоносные отростки.

Русский язык, как синтетический, обладает особым даром к словотворению. Как заметил П.М. Бицилли, «в русском языке от любых слов одной категории можно производить слова любой другой... Для того, что называется “духом” русского языка, характерна способность любого «корня» обрастать любыми приставками, суффиксами и окончаниями... У А. Белого есть глаголы “задетиться”, “зауютить”; есть “пронежнела глазами” и “звездея глазами”...»[8].

Этот словотворческий потенциал языка должен раскрываться не только в поэзии, но и во всех стилях и сферах его бытия, включая общелитературный, гуманитарный, философский язык и разговорную речь. Если у корней данного языка нет воли к жизни, если уменьшается число производных и редеет их крона, если творческий акт словопорождения заменяется заимствованием готовых

слов из других языков, – это тревожный знак угасания воли к жизни и в самом народе.

VI. Проективные подходы к языку: реализм – авангард – постмодерн

В заключение хотелось бы сопоставить «Дар слова. Проективный словарь», как тип знакопорождающей деятельности, с теми семиургическими проектами, которые в поле русского языка были осуществлены В. Далем и В. Хлебниковым. Вклад каждого из них в русское словотворчество исчисляется, по подсчетам исследователей, более чем десятью тысячами новообразований.

Каждый из этих проектов, при всей своей уникальности, вписан в культурную парадигму своего времени. ***В. Даль*** – лексикограф великой эпохи реализма, и его работа по собиранию слов мотивирована именно необходимостью представить язык в том виде, в каком он реально употребляется народом, а не отражается на бумаге: отрешиться от иностранных и книжных влияний и максимально приблизить письменную речь к устной. «С той поры, как составитель этого словаря себя помнит, его тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего с устною речью простого русского человека... Язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый родник или рудник наш, сокровищница нашего языка, который на письме далеко уклонился от того, чем бы ему следовало быть»[9].

Даже когда Даль вносил в словарь слова собственного чекана, отчасти чтобы вытеснить заимствования, отчасти чтобы показать все возможные корневые связи слов и заполнить пробелы словообразования, – он старался выдать их за подслушанные, записанные с живого голоса, предполагая, что язык народа есть объективная данность, которая должна словарем отражаться. В «красной строке», т.е. в заглавии словарных статей, ни одного созданного Далем слова нет, поскольку всякая откровенная «отсебятина» воспринималась бы как нарушение того принципа научности, видимость которого он старался соблюсти, – хотя и не мог остаться лишь сторонним наблюдателем и удержаться от того, чтобы броситься самому в бурлящую стихию словотворчества. Отсюда и название: «Толковый словарь **живого** великорусского языка», в том же смысле, в каком «живая жизнь» составляет и предмет, и цель, и высшее оправдание искусства для таких разных современников В. Даля, как Н. Чернышевский и Л. Толстой. «Жизнь», «живое» – ключевое слово второй половины XIX в., эпохи реализма, натурализма, позитивизма, философии жизни...

Языкотворчество ***В. Хлебникова*** вписывается в умственный склад совсем другой, авангардистской эпохи. «Словарики» Хлебникова, все эти длинные экспериментальные перечни лексических новообразований, из которых только немногие попадали в его собственно поэтические и прозаические тексты, ставят целью именно

создание небывалого, «заумного» языка. Этот язык, как и «звездная азбука», мерцает далеко от повседневности и даже не рассчитан на вхождение в речь, он существует сам по себе, как окно в иное мироздание. Заумное противопоставлено живому. «Отделяясь от бытового языка, самовИтое слово так же отличается от живого, как вращение земли кругом солнца отличается от бытового вращения солнца кругом земли. Самовитое слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки»[10]. Подавляющее большинство хлебниковских новословий не только остались неупотребленными им самим, они вообще неупотребимы, они не вмещаются ни в какую речь, не служат никакому общению или сообщению. Языковая фантазия и эксперимент художника совершают программный отрыв от настоящего в сторону будущего.

«Дар слова. Проективный словарь русского языка» – это проект не реалистического и не авангардистского, а скорее постмодерного типа. Он исходит из того понимания знаковых систем, которое сложилось на рубеже XX – XXI вв. Между языковой действительностью и языковым творчеством нет твердо очерченных границ. Язык – это не какая-то самодостаточная реальность, которая поддается объективному словарному описанию. Те слова, которые входят в словари, сами были когда-то сконструированы, и их значения продолжают конструироваться в процессе их словарного описания и толкования. Поскольку нет самодовлеющей языковой реальности, то и языковое творчество не позиционируется в противостоянии этой реальности или в отрыве от нее, как полагалось авангардистскому проекту. На смену «самовитому» слову авангарда приходит «деловитое» слово, которое пытается внедриться в язык, доказать на деле свою причастность речевым практикам современности.

Слово, представляемое в Проективном словаре, не есть ни «живое» слово в далевском смысле, изошедшее из уст народа (или втайне, по-суфлерски подсказанное ему самим составителем), ни «заумное» слово в хлебниковском смысле, изошедшее из уст поэта-визионера. Это виртуальное слово – слово-гипотеза, слово-предположение, которое не скрывает своей сочиненности (как у Даля), но и не настаивает на своей самовитости (как у Хлебникова), а пытается проложить себе путь из словаря в речь. Посредством речевых примеров новое слово вводит себя в практику языка, в самые разные ее стилевые зоны, от просторечия и газеты до философии и научной фантастики. Поэтому в одном речевом примере «Проективного словаря» никогда не бывает более одного новообразованного слова, иначе создалось бы впечатление зауми, искусственного языка (к такому эффекту *остранения* стремились футуристы, создавая большие скопления новопридуманных слов, вроде «Немь лукает луком немным / В закричальности зари». – *В. Хлебников*, 1908).

7. Гиперязык

Особенность *гиперреальности*, которая создается сегодня в сетях массовых коммуникаций, в том, что она более реальна, жизнеподобна, чем «реальность» вне этих сетей. Точнее, она и представляет собой «подлинную» реальность, созданную более интенсивными методами визуальных, информационных интервенций, чем методы построения «естественной» реальности, которая складывалась стихийно тысячелетиями. Наряду с гиперреальностью визуальной создается и гиперреальность знаковая – **гиперязык**, о котором нельзя сказать, «реален» он или «ирреален». Реальна или ирреальна электронная сеть, реальны или ирреальны телевизионные зрелища?

Точно также **гиперязык**, создаваемый, в частности, Проективным словарем, ирреален и вместе с тем реален. Это не чистый эксперимент авангардного толка; напротив, это расширение существующего языка, раздвижение его гипотетического объема, подобно тому, как воздушный задник живописной панорамы составляет одно целое с предметами на переднем плане. Представьте себе, что по мере вхождения в панораму нарисованные очертания задника превращаются в объемные, трехмерные предметы. Таково предназначение гиперязыка – на протяжении многих лет и десятилетий входить в область «реального» употребления или, по крайней мере, употребимости, подобно тому, как научная гипотеза предназначена для проверки, соразмерной физическим или историческим масштабам самих предположений.

Испытание слова в языке – одно из самых долгих исторических испытаний, поскольку и язык меняется медленнее, чем другие знаковые системы: литература, наука, техника. Сошлемся на Алана Меткалфа, американского лингвиста, президента Диалектологического общества США, в ведомство которого входят также сленг, жаргоны, неологизмы. Алан Меткалф полагает, что испытательный срок для новых слов, определяющий долговременную перспективу их приживания или отвержения в языке, – 40 лет. «Даже если новое слово или фраза впечатляют своим успехом, опыт прошлого свидетельствует, что только жизнь двух поколений, или примерно 40 лет, являются достаточным сроком, чтобы судить, войдет ли слово в постоянный языковой запас»[11]. Однако двузначная логика – войдет или не войдет – не самая надежная при оценке полезности и «живучести» слова, особенно если судить об этом по его наличию в общеязыковых словарях. Слово «мерцает» на границах языка, может забываться и заново возрождаться, вступать в игру и уходить на скамью «запасных».

В будущем, очевидно, вообще не будет словарей как устойчивых, замкнутых компендиумов, рожденных эпохой бумажной печати. Виртуальный словарь будет автоматически составляться из суммы употребления всех слов в электронных сетях. Каждое новое слово

будет автоматически добавляться в алфавитный словарь и занимать свое место в общем частотном списке. Собственно, уже сейчас Гугл и другие поисковые системы интернета автоматически выполняют словарную функцию определения частотности каждого слова. При этом все труднее установить, какое слово считать существующим, а какое нет. Это как проблема определения «кучности» кучи. Десять камней – это уже куча камней или еще нет? Десять случаев употребления данного слова разными авторами – это уже наличие его в языке или еще нет?

Русский язык, каким мы его сейчас знаем и употребляем, это лишь частный случай того гиперязыка, или «виртуального» русского, который относится к русскому как потенциальное относится к актуальному. Гиперязык – это совокупность параллельных миров данного языка, пространство его лексических и концептуальных возможностей, которые не противопоставляются наличному языку, а продолжают и углубляют его, как объемная панорама, уходящая в будущее. Посредством проективного словаря гиперязык встраивается в «наличный» язык или, точнее, достраивает его до себя.

По мысли Вильгельма Гумбольдта, основоположника языкознания как самостоятельной дисциплины, «язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли»[12]. Чем больше проективной деятельности в языке, чем больше создается проективных словарей, – тем больше язык становится тем, чем он может и призван быть: не только аккумулятором, но и **генератором** духовной энергии народа.

* * *

Буду признателен читателям за отзывы на идеи проективного словаря и проективного подхода к языку, а также на конкретные слова, с оценкой их применимости, указанием новых возможных значений, контекстов, примеров употребления.

М. Эпштейн
russmne@emory.edu или epstein05@mail.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – С. 159.

[2] Ср. соотношение сходных по корню слов «литургия» и «литургика» (раздел богословия, изучающий литургию).

[3] *Белый А.* Магия слов (1910) // Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 135, 137.

[4] *Горбачевич К.* Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка). Русистика. – Берлин. 1990. № 2. – С. 80.

[5] Первый опыт проективного словаря на русском языке реализован в отдельном книжном издании: Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с. (в словаре 165 статей 11 авторов). Готовится новое, расширенное издание Словаря в издательстве «Гуманитарий»; его фрагменты публиковались в 11 выпусках журнала «Философские науки» за 2009 – 2010 гг. В 2011 г. будет продолжена публикация Словарных статей в ФН.

На английском языке имеются следующие опыты проективных словарей:

• *Gelett Burgess.* Burgess Unabridged: A New Dictionary of Words You Have Always Needed, 1914. Здесь собраны 100 слов американского писателя-юмориста и художника-иллюстратора (1866 – 1951), из которых два, «blurb» (краткая аннотация на обложке книги) и «bromide» (бромид, скучный, банальный человек), прочно вошли в английский язык.

• In a Word. A Harper's Magazine Dictionary of Words That Don't Exist But Ought To /ed. by J. Hitt. – N. Y.: Laurel, 1992. Сюда вошли слова, предложенные для введения в английский язык примерно 300 известными современными американскими писателями, учеными, журналистами, бизнесменами.

• Popcorn Faith and Hanft Adam. Dictionary of the Future. The words, terms and trends that define the way we'll live, work and talk. – N. Y.: Hyperion, 2001. Это футурологический словарь, в котором наряду с уже известными терминами авторы предлагают и свои термины для социальных, технических, культурных и пр. тенденций ближайшего будущего.

• *Wyse P.* Wyse Words: A Dictionary for the Bewildered. Edinburgh, Chambers, 2009. Словарь остроумных словесных выдумок с уклоном в юмор, эксцентрику и критику современных нравов.

Подчеркиваю, это не словари неологизмов, ранее уже использованных, – таких словарей насчитывается гораздо больше, – а именно проективные словари, которые впервые представляют новые слова, протологизмы, читающей публике.

[6] *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 40. – Wien; Moskau, 1995. – С. 425 – 426.

[7] См. статистическую таблицу: Наиболее продуктивные корни русского языка // *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф.* Словарь морфем русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – С. 1122.

[8] *Бицилли П.М.* Избр. труды по филологии. – М.: Наследие, 1996. – С. 590.

[9] *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. – М.: Олма-пресс, 2002. – С. 11, 32.

[10] *Хлебников В.* Наша основа // *Хлебников В.* Творения. – М.: Советский писатель, 1986. – С. 624.

[11] *Metcalf A.* Predicting New Words: The Secrets of Their Success. – Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Company, 2002. – P. 168.

[12] *Гумбольдт В. фон.* Избр. труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – С. 68, 70.

Аннотация

В этой статье язык рассматривается в перспективе своей творческой эволюции и утверждается проективный и трансформативный подход к лексике: семиургия, знакотворчество как новая ветвь семиотики, дисциплина создания новых знаков и введения их в семиосферу. Проективный словарь описывает ранее неизвестные слова, которые впервые предлагаются для употребления; это словарь лексических и концептуальных возможностей языка. Приводится фрагмент проективного словаря русского языка: новые слова и понятия со значением времени. Исследуются разные стратегии словотворчества: реалистическая (В. Даль), авангардная (В. Хлебников) и постмодерная (авторский проект М. Эпштейна «Дар слова»).

Ключевые слова:

язык, неологизмы, время, семиургия, словотворчество, постмодернизм, словарь, проективность, лингводизайн.

Summary

The article regards language from the viewpoint of creative evolution and offers a projective and transformative approach to vocabulary building. Semiurgy is a new branch of semiotics dealing with the creation of new signs and their introduction to the semiosphere. A projective dictonary introduces new words that have never been used before; it is the dictionary of lexical and conceptual possibilities of a language. A fragment from the projective dictionary of Russian language «A gift of a word» (*Dar slova*) illustrates this methodology, introducing neologisms with the meaning of time. The article further explores various strategies of word-creation: realistic (V. Dal'), avant-gardist (V. Khlebnikov) and postmodern (the author's project *Dar slova*).

Keywords:

language, neologisms, time, semiurgy, word creation, postmodernism, dictionary, projectivity, linguistic design.